
ГЕНРИХ V ЛАНКАСТЕР И ИДЕЯ ДВУЕДИНОЙ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ

А.В. Сидяка

Кафедра всеобщей истории
Историко-архивный институт
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, ГСП-3, Россия, 125993

С деятельностью английского короля Генриха V Ланкастера (1413–1422) связан один из ключевых этапов Столетней войны между Англией и Францией. В годы его правления оба королевства были близки к объединению в двуединую монархию под началом одного короля. В настоящей статье предпринимается попытка исследовать появление идеи двуединой англо-французской монархии, пути ее реализации и причины ее конечного фиаско.

Ключевые слова: Генрих V Ланкастер, Столетняя война, двуединая монархия, феодальная империя, становление национальных государств.

На девять лет правления английского короля Генриха V Ланкастера (1413–1422) приходится время, пожалуй, максимальной политической мощи средневековой Англии. Два крупнейших королевства тогдашней Европы – Англия и Франция – были очень близки к объединению в двуединую монархию с ним во главе, что формально превратило бы их в одно государство. Наиболее очевидной причиной фиаско, которое потерпел этот замысел, стала скоропостижная смерть английского короля. Однако вполне возможно, что подобный план изначально был обречен, ведь чувство взаимной неприязни (если не сказать ненависти) между французами и англичанами, обостренное Столетней войной, низводило его, скорее, в разряд утопии. Тем не менее, исследование *идеи* и *модели* предполагаемого англо-французского королевства в XV в. представляется, на наш взгляд, весьма интересным.

Идея двуединой англо-французской монархии не была чем-то уникальным в средневековой Европе. В 1385 г. Польша и Литва объединяются в единое государство посредством династического брака; в 1397 г. по Кальмарской унии объединяются в единое королевство Дания, Швеция и Норвегия; и, наконец, в 1479 г. два крупнейших государства Пиренейского полуострова, Кастилия и Арагон, через династический брак объединяются в единое Испанское королевство. Насколько реальной была возможность подобного объединения Англии и Франции? По словам французского медиевиста XIX в. Ш. Пти-Дютайи, начиная с XI в. обе страны жили в состоянии *сим-*

биога (1), – иначе говоря, культурные, исторические и политические основания для такого объединения были весьма и весьма весомыми.

В 1412 г. подобного рода замысел был «подсказан» еще Генриху-принцу в посвященной ему поэме Томаса Хокклива «О правлении государя». В произведении выражалась глубокая печаль по поводу междоусобной войны, терзавшей Францию, и выражалась мысль, что объединение двух королевств было бы угодно Богу и навеки прекратило бы непрекращающееся пролитие христианской крови (2). Эта идея была с большой готовностью подхвачена Генрихом V и стала, на наш взгляд, главным лейтмотивом его правления – с первых дней пребывания этого короля на английском престоле и вплоть до самой смерти. Понимание ее сути существенно дополнит изучение политического портрета этого монарха.

Как же решал Генрих задачу создания двуединой монархии? В ходе заседания парламента в 1414 г. при поддержке палаты лордов он формулирует свои требования к французскому королю: вернуть земли, которые тот «вероломно отнял у англичан», указывая на бывшее наследие династии Плантагенетов – Анжу, Мэн, Турень (3). Позже этот список земель расширился за счет Бретани, Фландрии и даже половины графства Прованс (4). В том же году не преминул появиться стих неизвестного поэта, «напоминающего» Генриху V о его наследии за Ла-Маншем и о делах его предка Эдуарда III, триумфатора начального этапа Столетней войны: «Во Францию отправился король Эдвард, Воевать за свое наследство; И это также и Ваше наследство...» («То ffrauce kyng Edward had quere, Hit was his kynde heritage; And ye han be same style...») (5).

Следует отметить, что в дипломатических документах того времени Генрих V не требует присоединения этих территорий к Англии. Совокупность прав на данные земли формулировалась как «*homage, superiority and lordship*» (6). Последнее слово здесь несет наибольшую смысловую нагрузку и означает «власть *феодалного* лорда». Таким образом, в XV в., во время становления национальных государств, становятся востребованными идеи аморфных феодальных монархий времен классического Средневековья.

В 1415 г. начинается война. В эпоху, охарактеризованную британским исследователем жизни Генриха V Г.Ф. Хатчисоном как время, когда «замок феодального мира еще стоял, но порох и артиллерия уже начинали угрожать его стенам» (7), военные действия Генриха V против Франции имели характер уже весьма анахроничного для XV в. феодального *chevauchée*, окончившегося знаменитой победой при Азенкуре. С 1417 г. характер военных действий коренным образом меняется. Генрих V приступает к планомерному захвату Нормандии и других земель на севере Франции, увенчавшемуся заключением 21 мая 1420 г. договора в Труа – «учредительного» документа двуединой монархии. Таким образом, период с 1417 по 1420 г. стал настоящим триумфом английского короля, который, по словам того же Г.Ф. Хатчисона, «блеском своей славы осветил начало заката средневекового мира» (8).

Приведенные цитаты из работы этого британского исследователя могут натолкнуть на резонный вопрос: чем же мы можем считать военные действия короля – неким ярким отблеском феодального мира Высокого Средневековья или же политикой правителя и полководца нового типа, плоти от плоти XV в.? О многом здесь может сказать письмо Генриха V, писанное незадолго до битвы при Азенкуре королю Франции и воспроизведенное в хронике Ж. Ле Февра. В нем Генрих V напоминает Карлу VI о том, что разделенные ныне «благородные королевства Англии и Франции некогда были нераздельны» и своим союзом «украшали Дом Божий» (9). Судя по всему, Генрих V имел в виду времена Анжуйской империи XII в. – обширного комплекса земель в Англии и Франции под властью королей из дома Плантагенетов. Королевства тогда отнюдь не были едиными, однако сама идея универсалистской империи, связанная с именами английских королей Генриха II и Ричарда Львиное Сердце, переживала расцвет. XII в., эпоха «классического» Средневековья, представляется своеобразным политическим идеалом Генриха V – с этим-то идеалом он и высадился в 1415 г. во Франции.

Обратим внимание, что битве при Азенкуре предшествовал весьма яркий символический жест – целование земли Генрихом V и всем его войском, описанный поэтом-современником Дж. Лидгейтом (10). Трудно сказать, сколько в этом описании реальности, а сколько литературного вымысла, однако для нас важна семантическая составляющая этого символического жеста – король, целующий землю, рассчитывает на ее «поддержку», на удачу в битве, которую он на ней обретет. Видимо, эта французская территория рассматривалась им как часть *своего* «политического тела» (11). Отсюда строгие запреты Генриха V, касающиеся привычной для феодальных войн практики – грабежа местного населения. Согласно хронисту Жану Жувеналю дез Юрсену, английский король запретил любые формы насилия по отношению к мирным жителям – весьма редкое для Средних веков явление (12).

Особой защитой Генриха V пользовалась церковь, и результат не преминул сказаться: именно в стане священнослужителей двуединая монархия находила своих апологетов, которые пытались рассеять страхи местного населения, ведь, по словам епископа Арфлера, Генрих – это «наш сеньор, который не желает вредить своей стране» («*nostre seigneur le roy d'Angleterre ne veut pas gaster son pays*») (13).

Договор Генриха V с герцогом Бургундским и французским королем Карлом VI, подписанный в 1420 г. в Труа, стал основным документом, в котором обрисовывались контуры будущей двуединой монархии. В определенном смысле тон его был задан в преамбуле и первой статье, в которых объявлялось о браке Генриха V с дочерью французского короля Катериной и о признании Карлом VI Генриха V своим «сыном и наследником». После смерти французского короля его корона переходила к Генриху V, а в дальнейшем – к потомкам Генриха V и Катерины. Сын Карла VI и Изабеллы Ба-

варской Карл, «именующий себя дофином», объявлялся незаконнорожденным и подлежал высылке из Французского королевства (14).

На наш взгляд, формально договор в Труа носил династический, «семейный» характер. В нем не говорилось о выплате контрибуции, захваченных землях и правах победителя. В документе восстанавливались «справедливость» и «семейная идиллия» – Генрих V представал как «законный» наследник французского престола. В договоре говорилось о завоеваниях, но лишь о тех, которые еще *предстояло* совершить: Генрих V обязывал себя снова подчинить власти своего «отца» мятежные территории, поддерживающие «бастарда» Карла. Также, по причине недееспособности «отца», «сын и наследник» принимал в управление Францию, в которой обещал снова водворить порядок и справедливость, и управлять ею «согласно ее законам, обычаям и правам» (15).

Идее соединения двух династий посредством брака Генриха V и Катерины был придан провиденциальный смысл, который Дж. Лидгейт впоследствии выразил в рондо о восшествии на престол их отпрыска – Генриха VI: «по воле Бога, к великой радости Англии и Франции, соединились ветви Эдуарда Исповедника и Людовика Святого» (16). Отметим и факт, что еще в 1417 г., после взятия Руана, Генрих V пообещал горожанам восстановление и соблюдение привилегий и свобод, которые те имели в годы правления Людовика Святого (17).

Объединенное королевство предполагало сохранение *своих* законов и обычаев обеими сторонами (18). Однако, несмотря на это заверение, палата общин английского парламента выказала обеспокоенность в связи с заключением договора. Англичане боялись, что создание двуединой монархии приведет к тому, что Англия будет играть подчиненную роль по отношению к более крупной и густонаселенной Франции (19). Еще в 1340 г., после принятия Эдуардом III титула французского короля, многие англичане выказывали точно такую же озабоченность. В результате Эдуард III в специальном документе объявил, что «Английское королевство не должно находиться в подчинении и покорности у королей Франции» (20). То же самое пришлось сделать и Генриху V в ходе заседания парламента в 1421 г. (21).

Наконец, Генрих V и герцог бургундский Филипп Добрый поклялись в Труа никогда не вступать в переговоры с «дофином Вьеннуа» Карлом, «принимая во внимание бесчисленное количество преступлений и бесчинств, содеянных им на территории Франции» (22). Имелась в виду замешанность Карла в убийстве герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного в 1419 г. во время переговоров на мосту в городе Монтеро.

Один из сторонников двуединой монархии, хронист Ангерран Монстреле сообщал о том, как после заключения договора в Труа Генрих V и Карл VI прибыли в Париж. Из хроники видно, как парижане готовились встретить своего короля и его наследника. Улицы города были богато украшены дорогими тканями и коврами, возле ворот Парижа Карла VI и Генриха V встре-

чала пестро наряженная процессия горожан, которые продолжали приветствовать их обоих «на всех улицах города, по которым те следовали» (23). Хронист не сообщает нам о верноподданнических песнях или стихах, которые могли петь и декламировать горожане. Однако это делает автор описания въезда в Париж Генриха VI, сына Генриха V и Католины, в 1431 г. Стихи были такие по духу: «Ваши верные французские подданные Вам сохранили корону» («*Vous vraes subgiez françoise Vous ont la couronne gardée*») (24). Такой пиетет парижане выказывали (хотя бы внешне) королю двуединой монархии уже после подвигов Жанны д'Арк и начавшегося освободительного движения. Есть основания полагать, что в 1420 г. подобные «верноподданнические» чувства были еще сильнее.

В несколько ином свете события тех годов описываются в другом важнейшем источнике – «Дневнике парижского горожанина». Ценность этого памятника для исследователя той эпохи трудно переоценить. Неизвестный парижанин предлагает нам сведения о настроениях жителей Парижа в эпоху междоусобной войны, завоеваний Генриха V и правления Генриха VI. В «Дневнике» очень четко видны антидофинистские настроения его автора, хотя, в целом, политические вопросы уходят здесь на второй план. Главное, что беспокоит автора, – это цены на продукты, сведениями о которых буквально заполнены страницы дневника, а также страх за свое будущее и личную безопасность. По словам одного из исследователей этого памятника, Ж. Тьеллая, дневник представляет собой хронику «недоедания, фискальных поборов и порчи монеты» (25).

Автор дневника не выступает как открытый сторонник какой-либо политической силы: ни англичан, ни бургундцев, ни арманьяков. Он хочет сильной власти, которая бы, наконец, навела порядок в городе, и говорит, что «лучше быть пленниками англичан, чем дофина с его людьми, называющими себя арманьяками» (26). Хотя автор и считает, что и дофинисты, и англичане смотрели на Париж лишь как на хорошую поживу, он не скрывает всеобщей радости парижан при въезде Генриха V в город: «Еще никогда ни одного правителя не принимали с такой радостью: процессии священников, несущих реликвии и распевающих *Te Deum Laudamus* и *Benedictus qui venit*, за которыми следовали радостные толпы – и все это продолжалось до глубокой ночи» (27).

А в 1421 г. состоялся торжественный въезд в город королевы Католины. Автор дневника рассказывает, как перед носилками королевы герольды несли два горностаевых плаща («*deux manteaux d'hermine*»), которые горожане восприняли как символ «двойной королевской власти» («*doublure royauté*») над Францией и Англией (28).

«Дневник парижского горожанина» передает настроения, по-видимому, абсолютно среднего жителя города (для знатного человека вряд ли проблема цен на продукты превратилась бы в столь неотступную мысль). Хотя автор иной раз и говорит, что англичане «хуже сарацин», он с достаточной лояльно-

стью относится к новой власти и двуединому королевству, видимо, рассматривая Генриха V как единственную силу, способную навести порядок в городе и восстановить то главное, чего ожидали от средневекового правителя – *справедливость*. Это подтверждает и другой современник – Пьер де Фенен, по словам которого король Генрих V «крепко привязал к себе» парижских горожан тем, что наконец-то вернул справедливость и закон в город (29).

Первым делом Генрих V собрал в Париже *lit de justice* («ложе правосудия») (30) – особое заседание парижского парламента под председательством французского короля. «Ложе правосудия» являлось важной формой репрезентации власти короля Франции, когда монарх являлся в парламент сразу после коронации – как верховный судья и законодатель королевства (31). Символизм этого факта нельзя недооценивать, ведь именно Генрих V, а не Карл VI председательствовал на этом заседании. А. Монстреле дает нам наиболее развернутое описание того, что происходило в тот день в Парижском Парламенте. Якобы по инициативе профессоров университета и высшего духовенства был возбужден судебный процесс над дофином. В обвинительной речи ректора университета, доктора теологии Жана Ларшера, будущий Карл VII был признан виновным в убийстве бургундского герцога Жана Бесстрашного в Монтеро и объявлялся преступником (32).

Таким образом, Париж, с его ярко выраженными антидофинистскими настроениями, стал ядром формировавшейся двуединой монархии, французским городом, в наибольшей степени последовавшим духу договора в Труа. Жорж Шателлен сообщает о том, как Генрих V заменил в городе всех французских чиновников на англичан, после чего Париж, по словам хрониста, стал «новым Лондоном» («*ung nouveau Londres*») (33). Судя по тому, что в городе на каждом углу была слышна «грубая и гордая» английская речь, можно предположить, что в Париж вслед за своим королем прибыло большое количество англичан. Еще в большей степени были англоязычны два других города – важнейшие нормандские порты Кале и Арфлер (34).

А. Монстреле передает явно преувеличенные сведения о том, как представители трех сословий со всей Франции прибывали в Лувр, где была резиденция Генриха V, чтобы засвидетельствовать ему свои верноподданнические чувства, после чего «стал он править и управлять делами этого королевства, и назначать угодных ему чиновников» («*dès lors commença il ledit royaume à gouverner, et administrer les besonges dudit royaume et faire officiers à son plaisir*») (35). Другой современник, сторонник партии дофина Тома Базен, сообщает, судя по всему, более близкую к истине информацию, согласно которой Генрих V был признан «законным регентом и наследником Франции» только в землях, поддерживавших в годы гражданской войны партию бургиньонов; «но сторонники дофина, по-прежнему многочисленные, были готовы использовать все свои силы и энергию, чтобы не только сохранить свои владения, но и прогнать англичан из страны, и отомстить (*ulcisci*) бургундцам» (36).

Предположительно, многие города оказались в двойственном положении, так как не знали, присягать ли им Генриху V или быть верными дофину Карлу. Это наглядно иллюстрирует письмо, которое жители бургундского города Жуаньи послали английскому королю. В нем они обвиняли своего графа в том, что он отказался прибыть к Генриху V и присягнуть ему на верность, уверяя при этом, что «бедные» горожане «всегда были преданы королю Генриху и герцогу бургундскому» (37).

Сторонник дофина Ж. Шателлен описывает меры, предпринятые дофином Карлом на верных ему территориях: все города и крепости к югу от Луары были срочно (*prestément*) укреплены, снабжены продовольствием, командовать их гарнизонами были отправлены наиболее способные капитаны. В частности, именно тогда сеньор де Барбазан был отправлен командовать гарнизоном города Мелена, ставшего впоследствии символом сопротивления англичанам (38).

Помимо Мелена, города Мо, Монтеро, Санс и другие оказали упорное сопротивление войскам Генриха V, и то, что они отказывались признавать договор в Труа, видимо, стало неприятным сюрпризом для английского короля. К осажденному Мелену Генрих V даже специально привез Карла VI, чтобы тот убедил горожан сдаться своему наследнику – безрезультатно (39). Сопротивление малых городов стало серьезнейшим препятствием на пути осуществления идеи Генриха V.

Сторонники дофина всеми силами поддерживали антианглийские настроения в городах к югу от Луары. А в захваченные земли посылались письма и прокламации, призывающие людей быть верными законному дофину (40). Незадолго до заключения договора в Труа неизвестным автором был написан патриотический трактат «*Débats et appointments*», повествующий о былом величии Франции и необходимости принятия мер перед лицом английской угрозы. В одной из частей произведения идет аллегорическая беседа между Францией и Истиной. Первая считает, что сопротивление бесполезно – оно принесет только новые беды, на что Истина ей отвечает: «спасение Франции – в возвращении к нравам и порядкам времен Людовика Святого» (41). Этот французский король выступил здесь как национальный символ, призванный сплотить народ перед лицом опасности. В выпущенном же в 1421 г. манифесте дофина подчеркивалось, что договор в Труа, посягающий на «честь лилии», имеет целью незаконное подчинение Франции английскому господству, а ее жителей ожидает рабское подчинение захватчикам (*servitude*) (42). Включились в борьбу и многие поэты, поддерживавшие дофина. Один из них, Робер Блондель, в одной из поэм призывал все члены «тела» королевства «объединиться» для того, чтобы прийти на помощь «голове» – Карлу, который находится в труднейшем положении («*Membrez, mettez vous en arroy Pour secourir a vostre chief, Deffendez vostre noble roy Qui est en si tres grant mischief*») (43). Таким образом, сторонниками дофина создавалось необходимое идеологическое обоснование борьбы против двуединой монархии,

которое пропагандировалось доступными средствами среди населения городов. Оставалось только собрать необходимые силы для отпора врагу.

Идея Генриха V столкнулась на деле с большим количеством как явных препятствий, так и подводных камней. Южная Франция представляла собой серьезную преграду для полного объединения королевств. Что же можно сказать о северной половине страны, ведь Париж – это еще не весь французский север и уж тем более не вся Франция? В качестве некоего связующего звена, призванного соединить Англию и Францию воедино, стала Нормандия, считавшаяся Ланкастерами своим наследственным леном. Герцогство с 1417 по 1419 г. было буквально наводнено англичанами. Политика там Генриха V отражала планы англичан по отношению к Франции в целом.

Нормандия рассматривалась не как вражеская территория, а как наследственное владение Генриха V, доставшееся ему от предков. Наиболее очевидным союзником англичан в этом герцогстве стала церковь – во многом благодаря действиям по отношению к ней английского короля. Однако как раз церковь, а именно нормандский монастырь Мон-Сен-Мишель, преподавала пример самого стойкого сопротивления англичанам, не сдавшись ни Генриху V, ни его преемникам, о чем повествует хроника этого аббатства (44).

Из документов мы видим, что Генрих V налаживал морские коммуникации между портами Нормандии и Англией, посредством которых его войска получали продовольствие и все необходимое («*vitaille for the refreshshing of vs and our said hoost*») (45). Таким образом, в отличие от феодальных *chevauchée*, в ходе которых войны чаще всего жили за счет грабежа местного населения, Генрих V, благодаря захвату нормандских портов, установил стабильное снабжение своих войск. Не случайно создание первого постоянного английского флота некоторые современные исследователи приписывают именно этому королю (46), который еще до планомерного захвата Нормандии лично следил за строительством кораблей и снаряжением команд, угрожая взятием под стражу всех, кто будет повинен в малейшем срыве сроков работ (47).

Однако флот и коммуникации были далеко не главным связующим звеном между Англией и Нормандией. Генрихом V проводилась политика англizations герцогства: у неугодных феодалов конфисковались их земли и передавались английской знати (48) – зеркальное отражение политики Вильгельма Завоевателя! Что касается нормандских городов, то их заселяли выходцами из Англии, а местным жителям предлагался выбор: присяга на верность английскому королю или возможность покинуть город вместе с имуществом, которое они смогут унести. Сохранилось красноречивое свидетельство этой политики: прокламация Генриха V, призывающая лондонцев к переселению со всем своим имуществом в Арфлер (49). Вскоре на территории герцогства, «к великой обиде французского короля», стали чеканить монету с оттиском «Генрих, милостью Божьей, король Франции» («*Henri, par la grâce de Dieu, roi de France*») (50). В королевском ордонансе о чеканке новой монеты указывалось, что эта реформа проводилась в интересах «бед-

ных подданных» Генриха V (51). На основании документов мы можем судить и о строительстве, развернутом англичанами с целью превратить Нормандию в свой надежный форпост. Для построения укреплений было широко задействовано местное население (52), а в крепостях, захваченных у французов, были размещены английские гарнизоны (53).

Нормандия, по сути, подверглась английской оккупации, сколь бы громко и непривычно ни звучало это слово применительно к эпохе Средневековья. Как свидетельствует Тома Базен, такого рода политика английского короля стала причиной «всеобщего страха» («*patria tota exterrita fuit*»), охватившего герцогство и, как результат, – массового бегства его жителей в другие области Франции (54) – весьма экзотичная для Средних веков картина.

Для подобной войны было необходимо содержать сравнительно большие воинские контингенты за пределами своего королевства, причем срок их службы превышал традиционные для феодального войска 40 дней (55). Официальная переписка Генриха V с мэром и общинами Лондона наглядно показывает, что войско короля зависело не только от поставок провизии – лондонский мэр распорядился отправкой новых солдат из Англии. В связи с этим Генрих V постоянно информировал лондонцев о ходе кампании через письма и прокламации с театра военных действий (56). Оповещение столицы о победах было налажено на высоком уровне. Не случайно патриотическая поэма Джона Пэйджа «Осада Руана», рассказывающая о событиях 1417 г., в то время пользовалась в Лондоне большой популярностью, причем один из исследователей памятника, Х.Ф. Хатчисон, подчеркивает, что произведение было популярно именно в столице, а не во всей Англии (57).

Описания торжественного въезда короля в Лондон после победы при Азенкуре свидетельствуют, насколько жители столицы поддерживали политику Генриха V по отношению к Франции, видя в действиях короля восстановление им своих наследственных прав и попорченной «справедливости». Автор «Деяний Генриха Пятого» рассказывает, как на одной из улиц, по которой проходило торжественное шествие, висела богато украшенная надпись: «Город короля справедливости!» («*Civitas Regis Justitiæ!*») (58). Другие надписи, отсылающие нас к псалмам Давида – «Слава о тебе, Град Божий» («*Gloriosa dicta sunt de te, civitas Dei*»), «Речные устремления веселят Град Божий» («*Fluminis impetus laetificat civitatem Dei*») – могут говорить о провиденциальной составляющей, с которой народ воспринимал завоевания во Франции: Генрих V, объединяя королевства, восстанавливал в их глазах Град Божий. Однако была здесь и чисто политическая составляющая, выраженная в лаконичной надписи, писаной по-английски: «Добро пожаловать, Генрих Пятый, король Англии и Франции!» («*Welcome Henry the Fifte, Kynge of Englund and of Fraunce!*») (59).

Итак, говоря о «точках опоры» двуединой англо-французской монархии Генриха V, можно выделить три основных звена: Париж – Нормандия – Лондон. Именно Лондон оказывал наибольшую поддержку Генриху-завое-

вателю, и именно Париж проявлял наибольшую лояльность к Генриху-регенту и наследнику французского престола. Для столь амбициозной кампании, призванной соединить оба королевства воедино, англичанам был необходим мощный плацдарм на континенте, и этим плацдармом стала «наследственная вотчина» короля – Нормандия, с которой были хорошо налажены коммуникации. Однако малые города центральных провинций Франции, вроде Мелена, стали теми многочисленными очагами сопротивления, которые в конечном счете сыграли огромную роль в судьбе завоеваний Генриха V.

Что стало с двуединой монархией после смерти Генриха V? Формально Франция оставалось подвластной малолетнему Генриху VI, однако победы Жанны д'Арк и примирение Карла VII с бургундцами в 1435 г. в Аррасе начали склонять чаши весов в сторону единой централизованной, отдельной от Англии, Франции. Вскоре после смерти Генриха V Дж. Лидгейт, как будто предчувствуя будущий крах идеи своего покровителя, написал трактат «Змей разделения» (60), в котором на примерах из римской истории осудил любые разделы и раздоры и призвал к объединению. Однако через не самое долгое время англичане окончательно были изгнаны из Франции, и междоусобный дух водворился уже в самой Англии.

Идея объединения Англии и Франции в огромную разнородную по своему составу империю, включавшую, помимо двух королевств, целый перечень графств и герцогств, – вполне феодальная по духу (61). Генрих V жил в переломную эпоху, когда мир Средневековья все более и более ощущал веяния Нового времени. И эта «переломность» в полной мере воплотилась в его завоевательной политике, которая во многом знаменовала собой разрыв со старой практикой феодальных войн: планомерный захват вражеской территории, размещение на ней постоянных войск, налаживание коммуникаций и пропаганда своей завоевательной политики на родине. Все это свидетельствует, что Генрих V в уже начале XV в. проявил себя как завоеватель нового типа. Однако *идея*, на которой базировались эти завоевания, была вполне в духе классического Средневековья. Поэтому можно предположить, сколь неожиданным было для него несоответствие между тем, к чему, по его мнению, должен был привести договор в Труа, и его реальными результатами. Современная российская исследовательница Н.И. Басовская в работе «Генрих V во Франции: нерожденная империя» предложила весьма интересное объяснение этого фиаско: рассматривая личность Генриха V как своеобразное «зеркало» «Осени Средневековья», она обращает внимание на то, насколько отчетливо жизнь и деятельность этого монарха отразили переломный и противоречивый характер XV в. в истории Европы. Прибывший во Францию с «багажом» устаревших политических идеалов, Генрих V оказался не готов к представшей перед ним реальной действительности (62). На наш взгляд, идея двуединой монархии и ее конечный провал в какой-то степени проецируются на события Столетней войны. Конфликт, начавшийся, по сути, с «семейной драмы» между королевскими домами Капетингов и Плантагенетов,

привел впоследствии к противостоянию Англии и Франции. Кроме того, начало XV в. знаменовалось резкими и быстрыми изменениями в политическом самосознании городского сословия во Франции, которое начинало воспринимать себя как национальную общность (63). В этих новых условиях Генрих V продолжал мыслить старыми «семейными», династическими категориями, и его притязания разбивались, прежде всего, о сопротивление городов и растущее чувство национального самосознания их жителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Пти-Дюмайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII вв. – М., 1938. – С. 330.
- (2) *Hoccleve Th.* De Regimine Principum / Ed. by Th. Wright. – London, 1860. – P. 190–193.
- (3) Discussion in Council, 1414 // English Historical Documents. – Vol. IV / Ed. by A.R. Myers. – London, 1969. – P. 48.
- (4) The final demands of Henry V's ambassadors, March 1415 // Ibid. – P. 209.
- (5) Dede is worchyng // Twenty-six Political and other Poems / Ed. by J. Kail. – London, 1904. – P. 59.
- (6) The final demands of Henry V's ambassadors, March 1415. – P. 209.
- (7) *Hutchison H.F.* Henry V: a biography. – London, 1967. – P. 29.
- (8) Ibid.
- (9) *Le Fèvre J.* Chronique de Jean le Fèvre, seigneur de Saint-Remy / Éd. par F. Morand. – Paris, 1876. – P. 219.
- (10) *Lydgate J.* The Siege of Harfleur and the Battle of Agincourt // Fifteenth Century Prose and Verse / Ed. by A. Pollard. – Westminster, 1903. – P. 10.
- (11) Э. Канторович описывает схожий сюжет, когда король Ричард II, возвращаясь из похода в Ирландию, целует берег родной Англии – часть своего политического тела: *Kantorowicz E.* The King's Two Bodies. – Princeton, 1997. – P. 27.
- (12) *Juvenal des Ursins J.* Histoire de Charles VI, Roi de France. – Paris, 1850. – Т. II. – P. 521.
- (13) Ibid. – P. 507.
- (14) The treaty of Troyes, 1420 // English Historical Documents / Ed. by A.R. Myers. – Vol. IV. – London, 1969. – P. 225–226.
- (15) Договор в Труа // Сборник документов по истории международных отношений в Средние века / Сост. О.И. Нуждин. – Екатеринбург, 2001. – С. 84.
- (16) *Lydgate J.* A Roundel of Kyng Henry the Sext Ayens His Coronacion // Ancient Songs: from the time of King Henry the Third, to the Revolution. – London, 1790. – P. 70.
- (17) *Monstrelet E.* Chronique d'Enguerrand de Monstrelet // éd. par L. Douët-d'Arcq. – Paris, 1859. – Т. III. – P. 306.
- (18) Договор в Труа. – С. 84.
- (19) The Parliament Rolls of Medieval England: 1275–1504 / Ed. by Ch. Given-Wilson. – Vol. IX: Henry V, 1413–1422. – Woodbridge, 2005. – P. 259.
- (20) Декларация Эдуарда III о том, что королевство Английское не будет подчинено королевству Французскому, 23 марта 1340 г. // Хроники и документы времен Столетней войны / Сост. М.В. Аникеев; Под ред. Ю.П. Малинина. – СПб., 2005. – С. 310.
- (21) Acte du Parlement d'Angleterre, 1421 // Lettres de rois, reines et autres personages des cours de France et d'Angleterre / Éd. par M. Champollion-Figeac. – Paris, 1867. – Т. II. – P. 393.

- (22) Договор в Труа. – С. 87.
- (23) *Monstrelet E.* Op. cit. – Т. IV. – P. 16 – 17.
- (24) *Les Entrées Royales Françaises de 1328 à 1515 / Éd. par B. Guinée.* – Paris, 1968. – P. 69.
- (25) *Thiellay J.* Introduction // *Journal d'un Bourgeois de Paris à la fin de la guerre de Cent Ans / Éd. par J. Thiellay.* – Paris, 1963. – P. VII.
- (26) *Journal d'un Bourgeois de Paris.* – P. 63.
- (27) *Ibid.* – P. 67.
- (28) *Ibid.* – P. 78.
- (29) *Fenin P.* Mémoires // *Collection complète des Mémoires relatifs à l'histoire de France.* – Paris, 1825. – Т. III. – P. 360.
- (30) *Cousinot G. de Chronique de la Pucelle / éd. par M. Vallet de Viriville.* – Paris, 1859. – P. 179.
- (31) *Kantorowicz E.* Op. cit. – P. 414.
- (32) *Basin Th.* Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. – Paris, 1933. – Т. I. – P. 68; *Monstrelet E.* Op. cit. – Т. IV. – P. 19.
- (33) *Chastellain G.* Chronique du duc Philippe / Éd. par J.A. Buchon. – Paris, 1837. – P. 65.
- (34) *Ibid.*
- (35) *Monstrelet E.* Op. cit. – Т. IV. – P. 22.
- (36) *Basin Th.* Op. cit. – P. 70.
- (37) Lettre des habitants de Joigny à Henri V, roi d'Angleterre, 1420 // *Lettres de rois, reines et autres personages des cours de France et d'Angleterre.* – P. 379–380.
- (38) *Chastellain G.* Op. cit. – P. 41.
- (39) *Monstrelet E.* Op. cit. – Т. III. – P. 412.
- (40) См., например: Lettre de Charles, Dauphin, regent du royaume de France, pour engager les sujets à rester fidèles à leurs rois naturels // *Lettres de rois, reines et autres personages des cours de France et d'Angleterre.* – P. 385–386.
- (41) Débats et appointments // «L'Honneur de la couronne de France». Quatre libelles contre les anglaise / Éd. par N. Pons. – Paris, 1990. – P. 30–40.
- (42) The Manifesto of the Dauphin against the Treaty of Troyes, 1421 // *English Historical Documents...* – P. 228.
- (43) *Blondel R.* La Complaincte des bons François // *Œuvres de Robert Blondel / Éd. par A. Héron.* – Rouen, 1891. – Т. 1. – P. 83.
- (44) *Chronique du Mont-Saint-Michel / Éd. par S. Luce.* – Paris, 1879. – Т. I. – P. 24–29.
- (45) *Littera missa Maiori, Aldermannis, & Comunibus Ciuitatis Londonie pro Victualibus mittendis Domino Regi in obsidione ante Rothomago iacenti, 1418 // Book of London English, 1384–1425 / Ed. by R.W. Chambers and M. Daunt.* – Oxford, 1931. – P. 73–74; Mandement du duc de Bedford pour faire apporter des vivres à l'armée du Roi, en Normandie, 1419 // *Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre / Éd. par J. Delpit.* – Paris, 1847. – Т. I. – P. 230.
- (46) *Allmand C.T.* The Hundred Years War: England and France at War. – Cambridge, 1988. – P. 86; *Harriss G.* Shaping the Nation. – Oxford, 2005. – P. 88; *Mowat R.* Henry V. – London, 2007. – P. 192.
- (47) Proclamacio, 1416 // *A Book of London English.* – P. 65.
- (48) *Chronique du religieux de Saint-Denys / Éd. par M.L. Bellaguet.* – Paris, 1852. – Т. VI. – P. 311.
- (49) Proclamations pour engager les habitants de Londres à venir habiter Harfleur, 1415 // *Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre.* – P. 217.
- (50) *Ibid.* – P. 363.

- (51) Ordonnance de roi Henri V, concernant la fixation de certaines monnaies en Normandie, 1421 // *Lettres de rois, reines et autres personages des cours de France et d'Angleterre*. – P. 389–391.
- (52) A Letter to King Henry V from an officer having the charge of Public Works at Calais, 1421 // *Letters of Queen Margaret of Anjou and Bishop Beekington and others written in the reigns of Henry V and Henry VI*. – London, 1863. – P. 19–21.
- (53) См.: Les noms des villes et chateaux conquis en France par Henri V et des commandants qu'il y établit, 1417 // *Lettres de rois, reines et autres personages des cours de France et d'Angleterre*. – P. 339–343.
- (54) *Basin Th.* Op. cit. – P. 50.
- (55) *Allmand C.T.* Society at War. – London, 1973. – P. 5.
- (56) *Littera domini Regis Maiori & Aldermannis missa, 1417* // *A Book of London English*. – P. 64; *Lettre de Henri V à la commune de Londres, pour lui apprendre ses succès en France, 1417* // *Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre*. – P. 219; *Lettre de Henri V à la commune de Londres, pour lui annoncer la pris de Caen, 1417* // *Ibid.* – P. 220.
- (57) *Hutchison H.F.* Op. cit. – P. 229.
- (58) *Gesta Henrici Quinti* / Ed. by B. Williams. – London, 1850. – P. 62.
- (59) *Ibid.* – P. 66.
- (60) См.: *Lydgate J.* The Serpent of Division / Ed. by H. Mac Cracken. – London, 1911.
- (61) В свою очередь, столь дискуссионный и разноплановый термин, как «феодализм», получил от Ж. Дюби весьма емкое определение – это *средневековый менталитет*. (Цит. по: *Гуревич А.Я.* Предисловие // *Словарь средневековой культуры* / Под ред. А.Я. Гуревича. – М., 2007. – С. 9.)
- (62) *Басовская Н.И.* Генрих V во Франции: нерожденная империя // *Человек XV столетия: грани идентичности* / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. – М., 2007. – С. 69.
- (63) *Она же.* Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // *Цель истории – история*. – М., 2002. – С. 260–261.

HENRY V LANCASTER AND THE IDEA OF ANGLO-FRENCH DOUBLE MONARCHY

A.V. Sidyaka

World History Chair
Institute of History and Archives
Russian State University for the Humanities
Miuskaya Sq., 6, GSP-3, Moscow, Russia, 125993

Henry V of Lancaster (1413–1422) was one of the most illustrious medieval English monarchs. His short reign was dominated by the idea of uniting England and France into so-called double monarchy, under his rule. How did Henry V envisage the supposed Anglo-French kingdom, how was this idea put into reality, what were the causes of its failure – these are the principal problems which this article deals with.

Key words: Henry V Lancaster, Hundred Years War, double monarchy, feudal empire, emerging of national states.